

**АЛЕКСАНДР ФИЛИППОВИЧ КОНТАРЕВ
ШТАБНАЯ РОТА. ВОСТОЧНАЯ ПРУССИЯ
(10 ОКТЯБРЯ 1944 Г. — 6 ИЮНЯ 1945 Г.)**

10 октября

С утра спокойно взяли Таураге, а 19 ГСД и 262 СД¹ перешли германскую границу. Перед обедом немного выпил, писем пока что нет ни одного, скоро должны поехать дальше, наверное, на Таураге или куда-либо в сторону. Едем в сторону Юрбурга на левый фланг, выехали в 6 ч. вечера, приехали в 2 ч. ночи, остановились в 6 км от Юрбурга. Ночью, когда ехали, наша авиация сильно бомбила немецкий передний край. Когда приехали, расположились, меня поставили на пост патрулем стоять до 5 ч. утра с Иван Ильичом Подгорным.

<...>

15 октября

Пока что все тихо и спокойно, от Милы ответа нет, да и не будет, по-видимому. Но как все это глупо получилось, но ведь все равно так не будет, как она думает.

Вчера ночью проезжали м. Шакайя и Съентовты Блюкишки, оба местечка разрушены до основания, ни одного дома нет целого и ни одного живого человека. Сейчас стоим в Поосыве, но это еще не окончательно. К вечеру поедем вперед, так как передний край отсюда 10 км. Примерно в 7 ч. вечера выехали вперед на 1,5 км. Только приехали, начали бомбить, сбрасывали очень близко, некоторые смотались в щели прятаться. Завтра опять наступление, сил стянули очень много, что получится, напишу завтра. Сейчас немец непрерывно бьет с артиллерии, тяжелыми.

<...>

17 октября

Прорыв осуществили, взят город Наумиестис и Шервиндт, наша пехота топает по Восточной Пруссии. Мы выезжаем на новое место, приехали на левый берег р. Шешуна, везде все заминировано, приехали в один населенный пункт, машин сбилось около 50 шт., прилетели два «мессера». А перед этим я вышел с машины, оглянулся, ее нет, пришлось на другой догонять. Остановились в 600 м., на опушке леса, от позиции. Передали по телефону, что наши углубились на 8 км за границу Восточной Пруссии. Отпечатал и отправил разведсводку и больше ничего не делал.

Узнал новость, сегодня или завтра едет в Ворошиловск² Веровский, счастливый парень, попадет домой, написал письмо домой, лег спать в 9 ч. вечера. Видел во сне Милу и еще разную ерунду, всю ночь снилось. Проснулся от артобстрела, снаряды очень близко рвались, вставать не хотелось, повернулся и опять уснул.

¹ Имеется в виду Гвардейская стрелковая дивизия и стрелковая дивизия. *Прим. ред.*

² Современный Ставрополь.

18 октября

Пока что тихо и спокойно, только артиллерия непрерывно бьет, авиация опять начала действовать. Немец то же самое грызается. После обеда сообщили, что поедем вперед, теперь едем на территорию Восточной Пруссии, по дороге проезжали Наумиестис, Шервиндт, первый литовский город, второй немецкий. Кругом валяются немцы убитые, и появились первые доты укреплений.

Вечером пошел холодный осенний мелкий дождь, сделали с плащ-палаток шалаш, настелили соломы и положились спать. Впереди гудит от стрельбы и разрывов, сейчас оказывает большое сопротивление, ночью и к нам неподалеку подкидывал. <...>

21 октября

После завтрака погрузились и поехали в северную часть Пирагена. Красивый дом, все комнаты оклеены обоями, но внутри так загажено — это уже наши сделали, окна побили. К чему это? Какая глупость, ведь здесь же будут жить, будут такие же солдаты жить, как и мы все. Вычистили в одной комнате грязь и приступили к работе. Я пошел к Костиневичу и проиграл в шахматы до 3 ч. дня, после чего отпечатал разведсхему, отправил и до вечера ничего не делал. Ходил кидал гранаты. Вечером начал писать отчет за Расейняйскую операцию, просидел до 2 ч. ночи. После чего лег спать.

<...>

23 октября

Подняли в 6 ч. утра, сегодня едем. Ночью снилась разная чепуха. В 9 ч. утра выехали в д. Кузмен, дом очень хороший. Делать пока что нечего. Наши начали артподготовку в 11 ч., очень близко к передовой. Что получится с наступлением, напишу позже. Написал разведсводку, и больше делать нечего.

Сегодня случайно встретил одного парня, с которым был в госпитале, Володя Большаков, его адрес 24661, он в 91 ГСД в разведке, немного поговорили и разошлись. Вечером привели пленного немца, на него страшно смотреть, худой до жуткости, волосы длинные: его, по-видимому, расстреляют. <...>

24 октября

Вчера объявили приказ нашему фронту и благодарность нашей бригаде. Очень многих награждают. Сегодня рассматривал журналы немецкие: если судить по ним, то немцы жили прекрасно. Да и судя по той обстановке, какая у них в домах и по домам, они жили прекрасно. У нас немногие так жили, как они, возможно, это вначале, а там видно будет. Получили приказ носить противогазы при себе, по-видимому, немец думает применить газы. <...>

2 ноября

Подняли в 7 часов утра, собрался и с почтальоном пошли на почту, пришли рано. Дяди Васи еще нет, в чем дело, не знаю, хотя бы скорее пришел, сейчас уже 11 часов утра, а его все нет, и вдруг он не придет или кто-либо вместо него придет. Получил 31-е письмо от Милы, написал ей ответ сегодня. Получил из дому, дела обстоят очень плохо. Интересно, как меня встретит Мила, возможно, что разговаривать не станет. Ну ничего, там увидим, что получится. Да и вообще: как меня там встретят, не знаю. Возможно, что будут недовольны всем этим, ну ни хрена, мне достать бы калодию³ и еще кой-чего, а там х*р с ними. Дяди Васи все нет, черт его знает, как назло, не идет. <...>

Только окончилась репетиция, приехал Виктор, позвал к себе. Он очень обрадовался, у него пробыл до 12 ночи, а затем ушел опять к Милушке. У нее пробыл до 7 часов утра, и вот здесь произошел небольшой инцидент.

Виновник я, но ведь мне хотелось дать ей понять, как все это нехорошо, причем больно. Она начала меня целовать с такой страстью, что меня это начало возбуждать. Я себя сдержал, чтоб не наделать глупостей, а затем начал взвинчивать ее, и, судя по ее состоянию, я добился этого, хотя она отрицает это. Мила после этого обиделась и не стала разговаривать со мной. Я попросил у нее извинения и кое-как все же уладил немного отношения. Она сказала, не могу я на тебя обижаться, если б это сделал кто-то другой, то захала б в морду и больше не стала разговаривать, а на тебя не могу сердчать. Но по-прежнему осталась такого же мнения.

<...>

15 ноября

После завтрака пошел работать в штаб. Работы очень мало, но целый день был занят. Вечером пришел майор Кондаков, из разговора между ним и Кудряшевым понял, что меня откомандировывают, на мое место вызывают Бандуренка и скорее всего, что меня отправят в ЗСП⁴.

Дело совсем дрянь, этого мне не хочется, но ничего не сделаешь, если мне суждено это, так тому и быть, все равно у меня почему-то такое мнение, что я не доживу до конца войны, а ведь ждать осталось очень мало. Жаль, что столько пережить, под конец погибнуть, да, опять все кувырком летит, только начал жить хорошо, и все насмарку, но ничего не сделаешь, сам виноват. В ближайшие дни все это решится, а в ЗСП долго не пробуду, так как сейчас идет подготовка к наступлению. Эх! Опять в матушку пехоту придется идти: ну ничего, тряхнем стариной, теперь не так пойдет дело, как в прошлом году.

³ Употребляемый в медицине густой клейкий раствор клетчатки в смеси спирта и эфира.

⁴ Запасной стрелковый полк. *Прим. ред.*

Как все же я похудел, в особенности после того, как побывал у Милы, это на мне так отразилось, что черт его знает как. Сейчас не могу места себе найти, и если б я смог ее увидеть сейчас, то мне легче намного стало бы, а возможно, еще хуже. Чем больше Мила убеждает меня, что это заблуждение, тем больше я ее люблю. Чем меньше она обращает внимание на меня, тем больше времени уделяю я для нее. Сейчас открыл тетрадь и увидел ее фото, какая она интересная на ней. Да и в жизни невольно тянет к ней, но до сих пор я не могу понять, в чем дело. Я ее люблю как отзывчивую, внимательную девушку, и, кроме того, она умеет сделать вид, что ее абсолютно не затрагивает ничто.

<...>

17 ноября

С утра немного поработал, и больше ничего не было делать до обеда. Пришел почтальон, писем нет, как обычно, все молчат. Ничего не делал до самого ужина, после ужина писал, заполнял карточки на награжденных. В 11³⁰ пошел спать. Сегодня в батарее управления все перепились, ходят пьяные в дрезину. Живу сейчас в столовой батарее управления, спать приходится на полу, но зато спокойно спишь. Пришел, вынул дневник и сел перечитывать. Зашел Бендюков пьяный, но быстро ушел. Когда прочел дневник, меня поразила непостоянность в отношении Милы. Но ведь она так же непостоянно одного мнения обо мне. А вообще после того, как побывал у нее 2 ноября, я понял, как для меня дорога Милушка, как тяжело без нее. За эти несколько месяцев, проведенные вместе, я привык к ней и полюбил, как никогда не любил. Сейчас ни днем, ни ночью не забываю о ней. Лег спать в 2 ч. ночи.

<...>

22 ноября

Заступил в 9 ч. утра дежурить. Видимость исключительная, на переднем крае фрицы шевелятся, ходят, ездят, работают. Под конец дежурства сделал налет, да так крепко, что даже скучно стало, только что сменился. Ребята балуются, а мне неохота ничего делать. <...>

В 9 час. вечера опять идти на НП⁵. Только что сделал таких 3 налета, что душа в пятки уходит. Достанется мне сегодня на дежурстве. Эх, как идешь туда, так с жизнью прощаешься. Все это не страшно, но нервы до того напряжены, что вот-вот лопнут. Дежурство прошло спокойно, если не считать того, что он бил впереди и через голову. Снаряды с воем и визгом проходят над домом, но это все же ерунда, а вот когда кругом дома бьют, это хуже. Мне невольно вспоми-

⁵ Наблюдательный пункт (пост). *Прим. ред.*

нается сегодняшняя картина, наблюдаемая мною в стереотрубу. На одном доме на немецкой стороне заметили на чердаке НП, и вот наши гаубицы 120 мм били по этому дому: ну до чего точно, душа радуется от этого, но когда вспомнил, что я то же самое сижу на чердаке и немцы то же самое могут сделать, так мурашки по коже побежали. Завтра переходим на новое место, еще хлеще этого, но будем на земле возле большака. <...>

26 ноября

И вот уж пошел второй год, как меня ранило, и я попал в госпиталь к Виктору. Как хорошо я там прожил 9-ть месяцев, но сколько мне пришлось пережить, даже находясь в госпитале! Вначале ранение, затем эта кляуза^б, история с Басовой. Сколько она мне нервов попортила! А из-за нее сколько было скандалу с Милой на этой же почве. Да и до сих пор она мне не верит. Правда, у нее иногда прорвется через оболочку неверия прорыв нежности, но через некоторое время опять идет все по-старому. Я знаю, что она любит меня, но вместе с тем делает вид, что относится ко мне абсолютно беспристрастно. Вот за это ее надо хвалить, надо уметь не показывать своих чувств, это самое верное. И вообще, если она чем-либо расстроена, то наоборот — веселая как никогда. А вот я последнее время раскис, чуть-что — и повело меня на нытику. Надо взять себя в руки и побольше молчать, чем говорить, недаром украинцы говорят: «Мовчи та диш, то буде бариш».

Как иногда бывает тяжело, но никто этому не верит, когда помотришь на всю эту справедливость, сердце сжимается в комок, и никому после этого не хочется верить. Права Надя в том, что если б подлецы пятьдесят лет не родились, то их еще много было б. Если раньше до войны все это выливалось совершенно в иной форме и более-менее завуалированно, то сейчас вся грязь выплыла наружу и никто ее не стесняется. Как всю прелесть жизни опохабили, противно смотреть на все это. <...>

27 ноября

«Что день грядущий мне готовит, его напрасно мой взор ловит». 6.30 утра. Что будет сегодня, что будет завтра, что будет через час? С таким вопросом подымаешься каждое утро и все время ждешь, что вот-вот настигнет смерть, глупая и бестолковая. Только что сменился, все пока что благополучно, но ночью фрицы не особенно тревожат, а вот днем дает так, что только треск кругом стоит. Лег спать, только поднялся, и началась заваруха, вначале все думали, что немец делает очередной налет по нашему дому. Но чем дальше, тем больше артиллерий-

^б Видимо, жалоба медсестры Ольги Басовой, родившей ребенка, по ее утверждению, от Контарева (см. запись от 25 ноября 1944 г.).

ский огонь усиливался, заработала артиллерия всех калибров и видов, начали бить «ишаки». Кругом стоит такой грохот, вой, визг, треск, ничего нельзя понять, от нашего дома только балки и кирпичи летят. Примерно через час немного начало затихать.

Лейтенант Узненко послал меня на чердак узнать, что видно на переднем крае. Я залез: впереди все затянуто дымом от взорвавшихся снарядов и пехота бежит в тыл, а вслед за ними топают немцы при поддержке самоходных пушек и танков около 10 штук. Передал Узненко, он приказал машину отправить в штаб, а всем пробираться к 9 дивизиону на большак. Машина буксует, пришлось под разрывами снарядов выталкивать ее с км на большак. Кругом снаряды рвутся, но бросать нельзя, так как разобьет. Машину отправили, я зашел к связистам в подвал. Немец занял первую и вторую линию обороны, движется дальше, начала работать наша артиллерия.

Меня вызвал Узненко на НП и послал в тот дом, где были с Княжеским, только вышли с траншеи, как немец начал давать налет за налетом, еле проскочили к дому, зашли в нашу комнату, закрылись и легли спать, спали часа 2–3. В 4 ч. дня пришел Цыпленков за Княжеским, он ушел, я остался. И вот здесь-то мне пришлось пережить немало: во дворе этого дома стоят минометы 120 мм. Они начали стрелять, так немец засек и весь артиллерийский огонь туда обрушил, но вместо них попадало по дому. Стекла вылетели, крышу разбил до основания. Как даст по дому, только кирпичи летят. И так я сидел до 6 ч. Немного затихло, я решил собрать вещи и идти на НП. Только вышел, немец начал опять лупить, еле добрался до связистов, весь в грязи, как черт. Вот если б сейчас меня Мила увидела в таком виде! От связистов передал по телефону, что я пришел, мне передали приказание Узненко, чтоб пошел и забрал лампы, а то светить нечем. Пришлось опять топтать в этот ад, но все прошло благополучно: где бегом, а где ползком. Но к артиллерийскому огню добавился пулеметный. Сволочь сыпет, как дождь по кустам, возле дома.

Только вернулся, сообщили, что положение восстановили и немца выгнали с нашей обороны. А все получилось потому, что в первой траншее почти никого не было: все люди были на работе, а в траншее сидели 5 человек. Немного отдохнули, и пошел опять в этот проклятый дом за остальными вещами, собрали все остатки и вернулись. На этот раз прошли более спокойно, бегать пришлось меньше. На НП начали оборудовать блиндаж и второй заканчивать, проработали до 6 ч. утра. За ночь ходил еще раз в этот дом и на горбу притаскал двери для блиндажа.

Сегодня взяли немцы много наших в плен и на правом фланге в р-не Шаркобуде две четырех орудийные батареи 76 мм пушек. Но после того, как восстановили положение, разведчики 17 ГСД взяли в плен фрица, который сообщил, что это была только проба, а завтра, т.е. 28, будет генеральное наступление.

28 ноября

Сегодня будет генеральное наступление у немцев, 5 ч. утра. Тихо кругом, а что будет через 3–4 часа — сплошной вой и грохот. Сейчас уж начал делать налеты, один больше другого. Вот это мой последний день, сегодня решается судьба моя: либо буду жив, либо погибну, но последнее вероятней всего, так как к передовой всего 1–1,5 км. Ну что же, будь что будет: смерть не страшна, но тяжело переживать артподготовку, уж если суждено погибнуть, то чтоб шлепнуло сразу без волокиты, а если ранит, то так, чтоб быстрее можно было выбраться с этой катавасии.

Прощай, вся прекрасная жизнь! Кто найдет этот блокнот, пусть сообщит по адресу «Полевая почта 11035-Д Ленской Л. А.» о том, что погиб, чтоб знала она и не обижалась на меня за то, что не пишу. И домой обязательно, адрес известен в части.

В 6 ч. утра лег спать, в 8 часу подняли, пока что тихо. Туман такой, что ничего не видно. Начали оборудовать блиндаж, работали целый день до поздней ночи, пришли с бригады, письма нет от Милы и сегодня, хотя бы от нее получить пару слов. Устал жутко как, а похудел еще больше, страшно смотреть. Лег спать рано, так как, по-видимому, завтра будет катавасия. Уж звонили, чтоб приготовились, и к тому ж в 2 ч. ночи идти на НП дежурить. Дежурство прошло спокойно.

<...>

8 декабря

Опять я не поехал, по-видимому, и не поеду. Писем больше нет ни одного. Сегодня взял 2 литра спирта, вечером будет выпивка. Перед обедом выпили и пошли на собрание, которое из-за того, что много было пьяных, прекратили. Вечером после ужина сели, выпили, закусили, спать завалились, прошло все очень хорошо.

<...>

1945

<...>

8 января

Вчера был Володя Пунякин, ничего не получается с его переходом к нам. С утра начали оборудовать комнату для жилья. Приехал подполковник и дал нам две комнаты вместо одной. Сейчас закончили все, в комнате чисто, тепло, уютно. Миша Г. играет на пианино, как это все напоминает мирную жизнь, кругом тишина и спокойствие, а на душе как будто кто нагадил.

На дворе зима, снежок идет тихо, тихо спускаясь на землю, покрывая белым покрывалом эту всеми проклятую Прусскую территорию. <...>

9 января

После завтрака Ильич пошел за материалом, но их вернул подполковник. Собрал всех и сказал, что мы должны идти по подразделениям⁷. Так как сейчас решается судьба всей страны. Что дальше будет, не знаю, во всяком случае хорошего мало, где я буду работать — то же самое не знаю. Сейчас идет усиленная подготовка, силы громадные подтянули, должна наступать вся Красная Армия, что получится, неизвестно, но битва будет ужасная.

Мне почему-то неохота идти в подразделения, что-то должно случиться со мной. Эх, если б только остаться живым, ведь через 10 дней примерно опять соберут всех, а возможно и раньше, как пойдет наступление. Подполковник сказал, что это будет последний и решительный удар. Как хочется прожить до конца войны и посмотреть, что дальше будет. Милушка, где ты сейчас, хотя бы на 5 минут увидеть тебя и поговорить, как сейчас тяжело на душе.

После того как меня судили и я побыл в штрафной роте, а затем в пехоте, от этого у меня такие тяжелые и жуткие воспоминания остались, что без содрогания не могу вспомнить.

Сейчас пишу, сидя у окна на дворе. Идет снег крупными хлопьями, тихо оседая на землю. Николай Мухин играет на пианино, и так почему-то хочется плакать, не знаю от чего. <...>

14 января

<...>

Очень часто вспоминаю свое пребывание в пехоте, и вот сейчас холодно, ветер, мороз. Да еще плюс к этому немец непрерывно бьет и по переднему краю, и нам здесь достается. С наступлением ничего не получилось, сегодня второй день топчутся на месте. За вчерашний бой наша группа выпустила 10 000 снарядов, а толку мало, левее нас успех имеют лучший. Из показаний пленных узнали, что немец знал о том, что мы будем наступать 14.01 и заранее отошел, а сейчас кроет из 6-ти ствольных минометов и артиллерии круглые сутки и непрерывно. Что дальше будет — неизвестно. <...>

16 января

Замечательное солнечное утро, морозец небольшой, в воздухе изморозь. Сейчас пока что тихо, но отдельные орудия бьют по фрицам. В 11 ч. дня должна начаться артподготовка, сегодня четвертый день наша армия бьется, но все время на одном месте, если не считать небольшого продвижения. Сейчас все зависит от того, как наши части будут продвигаться вперед, если успешно — дело пойдет. Тогда нас соберут, а если будут топтаться на месте, то ничего из этого не получится.

⁷ Имеется в виду расформирование ансамбля самодеятельности.

Сегодня дописал Милушке письмо, но такое ерундовое, что она обидится на меня за это. От Милы нет ничего: чем объяснить, не знаю. Возможно, из-за этого письма, которое попало ко мне случайно, но ведь там нет ничего такого особенного. Ну попало, что ж теперь сделаешь, стоит ли из-за этого прекращать переписку.

Прочел книгу Gladkova «Цемент». С каким интересом я ее читал! Между прочим, жизнь Глеба и Даши, вернее, их разговор, очень во многом сходится с разговором между мной и Милой. Как будто самих себя видел в этой книге. Чем именно похоже, трудно сказать, но что-то есть особенно сходственное в наших отношениях. Хотя одно резко выпячивает — это то, что Даша любит Глеба и любит очень сильно, но не показывает этого. Она более скрытна, чем Глеб, она терпеть не может зависимости от кого-либо, а Глеб этот всегда открытый и откровенен, очень ревнует Дашу ко всем. Если присмотреться и вдуматься хорошенько, то между Дашей и Милой есть какое-то сходство. И та, и другая склонны к тому, чтобы проверить тем или иным способом, как будет реагировать ее напарник на слова, ею сказанные. И у той и у другой временами прорывается наружу любовь и нежность к своему другу. Но, в конце концов, они разошлись, неужели и у нас с Милой то же самое будет?

Да, временами мне кажется, что это неизбежно, а почему? — так это опять-таки сводится к одному, о чем не один раз говорила, что ее наружность всему виной. И вот сколько раз при встрече в разговоре это у нее проскальзывает. Но еще одно заметил я — это то, что иногда думает об одном, а говорит другое, но скрыть то, о чем она думает — не может. Иной раз проскочит что-то мягкое, хорошее, но она сразу же старается превратить это в шутку или же переведет разговор на что-либо другое совершенно постороннее. До сего времени как-то получалось, что я очень быстро мог понять девушку и с первых же слов догадывался о том, что она хочет и как лучше сделать. А вот Милушку до сих пор так толком и не могу понять. Иногда мне кажется, что разгадал ее, но она быстро прячется опять в свою оболочку шуток и недоверия. Шутки я сам люблю, но в таких случаях не шутят. <...>

18 января

<...> Наши все время движутся вперед, сейчас вышли к р. Истер. Сейчас наши дивизионы поехали вперед, а мы завтра потопаем. Да вчера слышал от майора Тимошкина, он с Штарма⁸ (политотдел), что есть указание Военного совета армии ничего не запрещать солдатам на захваченной территории⁹. Что из этого получится, не знаю, но это нехорошо, этим самым мы сами себе противоречим, но дальше видно будет.

⁸ Штаб армии.

⁹ Сведениями о такой директиве — фактически санкции на насилие и мародерство — не располагаем.

Сегодня в 3 ч. дня наш штурмовик нас же бомбил, имеются жертвы, но не среди наших. 1 час ночи, надо ложиться спать, а то я уж на ногах не стою от усталости, уж и счет потерял, сколько ночей не спал.

20 января

В 7 ч. утра выехали, приехали на новое место, громадный дом, как все-таки хорошо жили немцы. За все время еще ни разу не встретили плохих домов и обстановки, везде мягкая мебель и прекрасные дома. <...>

Вечером сообщили, что взят Тильзит¹⁰. Нашей бригаде опять объявили благодарность. Значит, опять будут награждать всех. Да сегодня исполнилось ровно 10 дней после того, как нас распустили по подразделениям, а собирать и не думают. По-видимому, и не будут собирать, да и неохота что-то. Здесь веселее время проходит, только уж больно далеко отстаем, хочется ближе к передовым, но я уж один раз научен горьким опытом.

Пожелал туда, так из этого произошел большой скандал, чуть дело до штрафной роты не дошло. Так что теперь буду идти по пути наименьшего сопротивления, тем более у меня так получается, как только хочу сделать по-своему, так обязательно кончается плохим.

Когда ехали на новое место, вся территория была охвачена пожарами, по всей Пруссии-земле горят дома и подсобные здания, зрелище очень приятное, но мне это немного не нравится, так как сзади нас идущие части остаются без помещений и им придется жить на улице, а сейчас все время холодная погода стоит и не очень-то высидишь на дворе. Немец бежит без остановки, но не может быть так, чтоб он чего-либо не затеял. Вообще-то это зловредная человечина — фриц. Да и потом артиллерии совершенно не слышно: где она делась? Среди трофеев нет, значит, увез всю и сосредотачивается для встречи или же где-либо на флангах. Но что это ему даст? Ведь сейчас идет наступление по всему фронту, и сейчас наиболее ответственное направление — это Варшава. Там уж везде вышли, пожалуй, к основной Германской границе. Возможна такая вещь, что здесь он и не будет особенно сопротивляться, а перебросил основные силы на наше направление. Но не буду гадать, а будущее покажет, во всяком случае, победа уж, пожалуй, не за горами, и недалек тот день, когда все с облегчением произнесут заветное слово «Мир».

Сейчас это самое приятное из всех слов. Никакое слово так не обрадует человечество, как это. Хотя сейчас посмотришь на все лица бойцов и офицеров — и у всех какое-то выражение торжественной радости возмездия за все три с лишним года терпения. Все спят, но мне что-то не спится. Как будто что-то должно

¹⁰ С 1946 г. — Советск.

случиться, причем нехорошее. Ну и хрен с ним, лягу и я спать, а то завтра надо подыматься в 6 ч. утра, а в 7 ч. выедем на новое место км 10 отсюда.

Сейчас у нас со взятием Тильзита меняется направление нашего движения, теперь, по-видимому, пойдём на Кенингсберг. Черт возьми, хотя бы в один большой город немецкий попасть, посмотреть, что у них за город и как они живут. И кроме того: до сих пор не встретили ни одного человека из мирных жителей — всех выселяют, а в городе, возможно, кого-либо встретим. Да они нас боятся, вернее говоря, боятся нашей мести. Эх, сволочи, что им надо было? Радовались, когда мы плакали кровавыми слезами? Ничего, скоро и они заплачут тем же.

21 января

Подняли рано, сегодня едем дальше. Выехали в 8 часов утра, приехали на КП¹¹ комбрига, а затем двинулись в Гросс Скайсгирен. Приехали перед обедом, устроились, и я пошел шляться по городку, ходил до обеда. Все разрушено, все горит. Насколько озлоблены все против немцев, даже пустые дома сжигают беспощадно.

Пришел, пообедал.

Что кругом творится, ужас, масса скота бредет без надзора, режут беспощадно, все пообъелись и позаболели, к вечеру никто ничего не может кушать, ходят все как сумасшедшие. Сейчас тихая погода стоит, и снег беспрерывно идет, и все это напоминает дни 1941–42 г., когда у нас все было охвачено огнем, а теперь горит всеми проклятая земля. <...>

23 января

<...> Скорее бы кончалась война, да уйти бы в гражданку и сразу же учиться и учиться, без конца, пока не добьюсь хотя бы чего-либо.

24 января

Тихое туманное зимнее утро, деревья покрылись инеем, который при малейшем дуновении ветра осыпается на землю. <...>

Интересная вещь получилась, вчера передали приказ, что Лабиау уж взят, а оказалось, что его взяли только сегодня и пошли вперед очень быстро. До Кенингсберга осталось всего 38 км.

В соседней комнате играет радио, передают из оперы «Евгений Онегин» песню девушек. Как хочется сейчас попасть куда-либо в театр одетым в гражданский костюм, ведь я его не одевал в течение пяти с лишним лет! Пять лет, как много прошло времени, скоро мне исполнится 27 лет — уж старик теперь. Самые счастливые и радостные годы прошли в таких жестких условиях. Как я сейчас отстал

¹¹ Командный пункт. *Прим. ред.*

от жизни. Вот приходят ребята в армию с десятилетним образованием, как они развиты, мне все время приходится молчать, потому что я забыл даже то, что знал. Ведь, кроме военщины, больше ничего не знаешь.

Да, перед наступлением был приказ, разрешающий посылать посылки офицеру 10 кг, солдату 5 кг в месяц. На это дается разрешение командира части или его заместителем, причем они проверяют содержание, в общем, короче говоря, из этого ничего не получится, и в особенности у солдата. 3 ч. — ночи, пора спать.

25 января

<...> Костя Парасочка пошел посмотреть в другие дома, там нашел хорошенький шарфик, его увидел Сватковский и сейчас же отобрал. Отсюда надо делать выводы, что если нашел что хорошее, никогда и никому не показывай, иначе отберут. Да, собственно говоря, ничего хорошего и не найдешь, так как передовые части прочищают и забирают все ценное. А барахло — на кой черт оно нужно? Ни одной тряпки не буду брать, если уж взять — так взять что-либо ценное, а тряпки на хрен нужны.

Вчера написал Милушке письмо, в котором предлагаю ей пожениться. Что она ответит на это, не знаю. Во всяком случае, я решил это твердо. Мне почему-то кажется, что после этого мы должны жить очень хорошо. Судя по некоторым вещам, она очень любит меня, но не хочет показать этого откровенно. Я уверен, что если б мы встретились в гражданке, то все обстояло б иначе. Да, интересно, что она напишет мне в ответ на это письмо.

Скука, жуткая скука, поговорить абсолютно не с кем.

26 января

До обеда были в Радау, передовые части ушли далеко от нас. После обеда начали собираться в путь. Сегодня произошел небольшой инцидент, когда стали садиться в машину. Я сел в машину комбрига «студебеккер», подошел майор Лобода и выгнал меня с кабины. Вот уж действительно сотворил бог человека и сам не рад: такой чурбан, какого я в жизни никогда не встречал, да и все офицеришки последнее время взялись за то, чтоб их солдат уважал.

Вчера капитан Костюневич, от кого я никогда не ждал, заявил так, что в первую очередь должны обеспечить ночлегом офицера, а затем сами о себе беспокоиться. Никогда этого не было и не будет, довольно того, что я один раз попробовал.

Ночью приехали в Каймен, небольшое местечко, расположились в доме зубного врача. Как прекрасно оборудована комната. В одном доме увидели выброшенное из шкафа барахло, как все набросились на него и офицеры, и солдаты, жутко смотреть.

Лег спать в 3 ч. ночи.

27 января

Холодище жуткое на дворе, даже выходить никуда не хочется.

После завтрака пошел поглазеть на городок. Зашел в костюмерную, черт возьми, какие прекрасные костюмы театральные. Все это сбросили с вешалок на землю, топчутся по ним, рвут, портят. Как все же и мы недалеко ушли от немцев! Как по-варварски обращаются со всеми вещами. Ведь есть прекрасные вещи, которые можно вывезти к нам, а вместо этого бьют, ломают, жгут. <...>

28 января

Находимся в Кауггене. Передовые части продвигаются медленно. Сейчас немцы приняли новую тактику, действуют из засады. Вчера 1 дивизион попал в переplet, а после этого еще кто-то, небольшие потери. Вовка просится к Кондакову, ему как раз дают радиста. Делать по-прежнему нечего, хожу с угла в угол.

До сих пор не встречал ни одного живого человека, а сейчас беспрерывно идут, по большей части старики и старухи, очень редко молодые девушки. Они, по-видимому, все уходят с армией. Ну, счастье им, а то б солдат потешился бы на славу. Я вообще-то не представляю себе, как это так, а ведь недавно дивизионная разведка захватила одну девушку, и здесь же ее изнасиловали 23 человека.

Сегодня в соседний с нашим дом зашли немки, так все туда кинулись, как шакалы. Зачем все это?

29 января

Прекрасное зимнее утро, небольшой морозец, по дороге беспрерывно движутся колонны на запад, а навстречу идет население Германии: старики, дети, старухи и изредка девушки. Чаще встречаются молодые ребята, появление их странное, это, скорее всего, солдаты переодетые, но, если их не убьют, в тылу они будут вредить.

Начальник штаба майор Оленичев собрался ехать на КП комбрига, я поехал с ними кодировать карту. Когда приехали, ребята рассказали, что немцы все население пригонят к нам, но это не напрасно, так как вместе с ними они забросят к нам шпионов.

Когда возвращались назад, доехали до Зекзень, и здесь майор решил остановиться. Весь штаб приехал в 3 ч. дня. Устроились очень хорошо, но завтра утром уезжаем вперед. Была почта, но мне письма все нет. Чем объяснить? Неужели Мила так занята, что не имеет возможности написать пару слов?

<...>

31 января

Какой прекрасный вечер был вчера, тихий и крупный снег идет, пушистый, пушистый.

Настроение жуткое, все так надоело, что хочется завязать глаза и идти не оглядываясь. С утра ничего не слышно, а перед обедом собрались и поехали в Нойхоф. По дороге беспрерывно вереницей движутся колонны мирного населения всех национальностей. Сейчас нахожусь в Нойхофе, что кругом творится — ничего не поймешь, все помешались на трофеях, но сейчас уже есть приказ, запрещающий загрузку транспорта трофеями. Здесь встретил Володю Пунякина: какие трофеи у него! Но куда он все это денет, ведь каждый из нас живет сегодняшним днем. Но почему мне так не везет? Посмотришь на окружающую среду, каждый рад, все веселые, все довольны, каждый из них что-то приобрел, хотя бы мало-мальски ценное. Ну неужели мне никогда не повезет, неужели я всегда буду таким же сереньким человечком, как и сейчас?

<...>

Что творится сейчас на улице! Недалеко от нашего дома стоит сарай, в котором полно беженцев. Вот солдаты, а особенно офицеры, пользуясь разрешением на всё, жуткие вещи творят сейчас. На дворе стоит сплошной крик и визг женщин, которых насилуют, и до чего дошли, 15–20 чел. насилуют одну девушку 14–15 лет. Страшно смотреть на все это. Работал до 3 ч. ночи.

<...>

3 февраля

Проснулся от шума в комнате, сейчас идет усиленная подготовка к штурму города, стоим пока что на одном месте. По данным аэрофотосъемки немец все вывозит с Кенигсберга на баржах и пароходах. Сейчас все время очень много работы, готовят отчет месячный, надо делать схемы, приходится много работать с ними. Сейчас пишу, а рядом радист включил рацию, как раз попал на музыку, замечательную вещь исполняют.

<...>

Погода сейчас прескверная, снег тает, каждый день идет дождь, уж скоро подойдет то время, когда будет невылазная грязь. Вот тогда круто придется, каждый день будешь мокрый.

<...>

5 февраля

После завтрака поехали вперед, расположились в местечке Меденаю, большой дом — бывший ресторан. Вчера в 1 день ребята выпили какую-то жидкость, и 20 чел. отравилось, большая часть из них умерли. Сейчас все посылают посылки,

какой я все же дурак, что ничего не собрал и теперь не могу ничего послать, ведь дома так нуждаются во всем. Но ничего теперь не сделаешь, если будет возможность, то надо будет послать что-либо. <...>

6 февраля

После завтрака собрали весь личный состав и закли приказ, запрещающий сбор трофеев. Этого надо было ожидать.

<...>

8 февраля

Есть приказ перейти к обороне. Сегодня узнал, что 91 ГСД попала в окружение. Получилось так: когда началась атака, немец сделал ворота и пустил их в глубь обороны, а затем отрезал вместе с пушками и материальной частью. Но этой ночью два полка вышло, и выходят еще. Вот только раненые остались там и все автомашины мотополка (на амфибиях). Завтра уезжаем на старое место в Фуксберг.

<...>

11–12 февраля

Жуткая ночь, ни на одну минуту не сомкнул глаза. Вчера вечером Павлик Карташев и Костя Парасочка пошли туда, где ночуют немцы, и стащили пару чемоданов. А что вообще везде творится, страшно об этом вспоминать. Недалеко и мы ушли от немцев, ведь это не месть, а глупость.

Да, в нашей комнате сделали офицерскую столовую. Так вот сейчас собралось 6 чел. офицеров и такой кордебалет устроили, что жутко. И это называется культурный русский офицер, выпили по 200 грамм, и уже повело.

<...>

13 февраля

Никак не могу разделаться с посылкой Вовки, а теперь справку ему не дают. Работы полно, сидеть приходится целый день.

Сейчас стоим возле большака, по нему целый день непрерывной вереницей движутся мирные жители, а у нас дверь и не закрывается, от них все идут, просят то воды, то хлеба, то кушать — и так без конца.

Только что принесли письма, получил от Маши. И что странно: Мила написала Любе письмо, а мне ни слова. Не надо, просить не буду. В конце концов, я не мальчик, чтоб играть в кошки-мышки. Тяжело сейчас на душе, как обидно, ведь вполне серьезно сделал ей предложение! Но, если так писать, что я не знаю, люблю ли я тебя или нет, возможно, со временем мне это надоест и захочется чего-то нового. Выходит так: ты сейчас просто для того, чтобы мне не было скучно,

чтобы было какое-то разнообразие. Попытаюсь сегодня написать еще одно письмо и на этом закончу. В конце концов, что-то должно быть одно, а не серединка.

И вот опять остался один, опять без друзей и любимой девушки, неужели я такой эгоист, что не смогу никогда найти девушку, которая смогла бы меня понять? Которая впоследствии была бы не просто постельной принадлежностью, а настоящим другом жизни, с которым можно было перенести все тяжести и невзгоды жизни?

Как все это надоело, когда же будет конец всем этим мукам, когда можно будет начать самостоятельно строить свою жизнь.

<...>

15 февраля

Приехал Военторг, привезли водку, и сегодня будет веселье. После обеда выезжаем в Меденау. После обеда сел на машину разведдивизиона, поехал, по дороге попал под артобстрел, не доехали метров 100 до перекрестка, на самой дороге взорвался снаряд. Убило лошадь и разбило повозку, мы проскочили удачно.

По дороге топографы сказали, что в Гросс Хайдекруг есть калька, тушь, бумага. Как только я приехал в Меденау, сказал об этом Н. Ш., он дал машину легковую, и мы поехали туда. Немного нашли туши и кальки, ватмана, приехал поздно и сразу же сел работать, лег в 3 часа ночи.

<...>

18 февраля

День начали, как и обычно. Сейчас идет усиленная подготовка к наступлению. Скоро должны начать с тем, чтобы уничтожить группировку, которая находится на морском побережье. Работы по горло, целый день не разгинаюсь. Вечером приходит Люба и с ней начпрод с госпиталя, он приехал договориться насчет делегации к празднику. Эх, если б я смог поехать туда, как хорошо было б, но это неосуществимо.

А затем Виктор, по-видимому, обиделся на меня, ну хрен со всеми, проживу и сам, сейчас уже есть около литра водки, да к празднику получу, вот и отпраздную день рождения свой. Сейчас 2 ч. ночи, уже 19 февраля.

Сегодня в 12 часов ночи я родился, с того времени прошло 27 лет. Ведь кажется, совсем недавно бегал в коротеньких штанишках по улице, живя беззаботной жизнью, радуясь каждому солнечному дню. Какие все же радостные дни детства я провел, сколько воспоминаний хороших о тех днях! Дни детства сменились юношескими мечтательными днями, теми днями, когда хочется сделать что-то большое, чтобы удивить мир, и вместе с тем не можешь в действительности найти применения своей возрастающей силе. И вот мне 27 лет, легко сказать, а ведь это уже больше четверти века.

Сегодня хотел лечь пораньше, но вышло поздно, легли в 2 часа ночи.

19 февраля

Проснулся от артиллерийской канонады, немец сделал артналет по Меденау. Попало в наш дом, разбило несколько машин, позажгло дома, и сейчас перешел в наступление, уже занял Гросс Блюменау и движется все время вперед, наши пока что молчат. В Меденау от артналетов много жертв, раненые, убитые. Сейчас пока что тихо, изредка бьет наша артиллерия. Почему молчат, в чем дело? Ведь все время готовили к наступлению силы, здесь уйма танков, артиллерии, почему не дают ему отпора.

Наступает немец с танками и самоходками, уже 5 штук подбил. Немец занял станцию Заераппен, все бегут на наши участки, занял Крагау, туда зашли танки, положение очень тяжелое, все уехали, мы остались в Меденау. Противник в 3 км от нас, чем кончится не знаю. Во всяком случае хорошего пока что нет ничего, все время бьют тяжелыми орудиями по Меденау.

Вот сегодня мне исполнилось 27 лет, теперь, пожалуй, не придется отпраздновать, если все окончится благополучно, значит, еще проживу, как хорошо, что вчера послал Милушке письмо. Сейчас сообщают, что через Крагау прошли самоходки и пехота. Что будет дальше, напишу. В Меденау пробыли до 9 ч. вечера, а затем выехали на новое место, приехали в 12 ч. ночи, сильно замерз. Помещения для штаба нет, кое-как разместились в одной комнатке махонькой 10 чел.

<...>

21 февраля

Идут упорные бои третий день, группировки соединились¹². Сейчас второй день крепко действует наша авиация. Продвижение немца приостановили и понемногу начинают гнать назад. Да, теперь определенно не придется съездить в госпиталь, так как все время идут бои и пока не восстановят положение, о празднике и думать не приходится. Целый день ничего не делал, хожу с угла в угол. Сейчас 12 ч. ночи, играет радиоприемник. Все это напоминает былые времена. Погода прекрасная, солнечный день был теплый, уже к весне дело идет. Неужели весь 45 год придется вкалывать на фронте? Как все это надоело. Сейчас все ожидают больших событий после Крымской конференции¹³.

Эх, скорей бы все кончилось да по домам. Да, не придется съездить в госпиталь. Вся эта катавасия сорвала праздник.

<...>

¹² Что именно имеется в виду, неясно. Соединение 39-й и 43-й армий 3-го Белорусского фронта состоялось только в начале апреля 1945 г.

¹³ Имеется в виду конференция лидеров Великобритании, США и СССР в Ялте 2–11 (2–11 февраля 1945 г.).

1 марта

Как все напоминает 1944 год, когда был в госпитале в Сокольниках. Сколько пришлось пережить в тот период, и все потому, что люблю Милу. Сколько раз ночью по грязи ходил к ним в землянку и, придя туда, видел темное окно — они спали. Мокрый весь, в грязи, возвращался назад, а те 5 или 6 дней, которые пришлось провести в одиночестве, сидя в клубе, когда слушал патефон, как мне врезалось тогда в память несколько вещей — вальс «Амурские волны», «Дунайские волны» и еще некоторые, а все потому что ей хотелось проверить меня, да это были кошмарные дни, о которых без содрогания не могу вспоминать. И если здраво рассуждать, то меня просто-напросто надо назвать дураком. Неужели я уж такой урод, что не смог бы найти девушки? Или первое время тяжело было бы, но постепенно все сгладилось, ведь Виктор был последнее время очень доволен мною. Но не так это просто делается, вот даже сейчас, несмотря на то что уж больше полугода я ее почти не вижу, а забыть не могу, сколько раз были такие моменты, что, кажется, последний раз получаю от Милы письмо, но затем все налаживалось опять, и сейчас только несчастье какое-либо со мной может поправить все, но пока здесь Люба, между мной и Милой никогда не наладятся отношения, потому что эта сволочь что-либо устроит.

Погода жуткая, идет дождь, ветер сильный. Хотя мне сейчас живется и неплохо, нахожусь в комнате, тепло и уютно, но на душе в тысячу раз хуже, чем на улице. Одно слово «весна» столько воспоминаний вызывает, а теперь придется жить одними воспоминаниями о прошлом.

Сегодня вечером сказали, что завтра переезжаем на новое место вперед, куда — пока что еще не знаю. Завтра напишу названия населенного пункта.

<...>

8 марта

Сегодня женский праздник, меня опять заставляют работать с Кондаковым, потому что Парасочку вызывают в штаб армии. Ну, хрена, на этот раз я иначе буду делать, только за схемы буду отвечать, а остальное пусть сам делает.

После обеда принесли почту, какая радость, получил письмо от Милы. Кроме этого, Маша написала. Долго ходил, все не решался открывать конверт и думал, что меня ждет в нем, хорошее оно или же такое, как предыдущее. Прочел. Как странно получается, в предыдущем письме она писала, что у нее есть муж и когда я приеду, то она познакомит с ним, а сейчас пишет, что этот муж был Женя, что она вышла за него перед его выездом на фронт. Как-то все странно получается. Ведь когда-нибудь надо же быть последовательной.

Но из этого же письма я и другое узнал, что ей не хотелось прерывать со мной дружбу, да и сейчас ей, по-видимому, не хочется, так как, если б хотела она этого

разрыва, то больше не написала бы, и возможно, что больше и не напишет после этого письма. Что мне делать, если все наладится? Она сама пишет, что уже не девушка, возможно, что очередная шутка, после которой последуют опять разъяснения, что она наговорила на себя всякой чепухи. Как мне реагировать на все это? Если б была возможность поговорить с ней. Возможно, все не так обстоит, как это кажется. Но несмотря на все это, мне не хочется даже об этом думать, я ее люблю, и мне абсолютно безразлично, что было с ней раньше. И при встрече мне будет очень стыдно, если я ее чем-либо обижу. Никогда больше не повторится то, что было в Сокольниках, а затем в августе месяце 1944 года. Даже сейчас как-то стыдно за самого себя.

Она просит, чтоб я никогда не упрекал ее прошлым. Этого никогда не будет, да и не делал я этого никогда. Ведь тогда в Сокольниках как было? Я ей никогда об этом не напоминал, а мне доставалось от нее сколько раз за эту ночь, несмотря на то, что я ее просил не говорить об этом, и она давала обещания, все же она напоминала мне об этом. Ну ничего, пусть будет так, но что мне решить? Сказать ей о том, что она мне не нужна? — это будет глупо, ведь я ее люблю. Пусть будет так, как и было, никогда ей не буду напоминать о ее прошлом, хотя, возможно, что она хочет меня проверить, как я буду реагировать на это. Во всяком случае, даже если это и правда, так ведь я тоже до нее имел дело с женщинами, ведь и я не лучше нее...

9 марта

Зима по-прежнему стоит без изменений, хотя и бывают теплые дни, но мороз не спадает и снег не тает. Стоят прекрасные солнечные зимние дни. Работы хоть отбавляй, целыми днями сидим за работой. Вечером поругался с капитаном Костеневичем, он начал мне угрожать, что пойду, доложу о том, что ты не выполнил приказания. Поскандалили крепко, и все из-за лампы, я ему не давал лампу. Ну и хрен с ним, пусть идет, кому угодно жалуется.

Ночь. Сильный ветер, погода жуткая. Когда уж придет весна?

Как вспомнишь, что шестую весну встречать в условиях армии, так страшно становится. Неужели еще и весь этот год придется воевать? Неужели не придется дожить до того момента, когда можно будет ложиться спать и не думать о том, что тебя ждет завтра?

Сейчас успешно наступают Жуков и Рокоссовский¹⁴, союзники то же самое начинают шевелиться, взяли Кельн¹⁵. Хотя бы уж они там поворачивались побыстрее, чтоб закончить поскорее, а то как медведь в берлоге поворачиваются. Письма нет от Милы, но я ей недавно послал, так что она будет ждать ответа от меня. Ну, пора спать.

<...>

¹⁴ Командующие 1-м и 2-м Белорусскими фронтами.

¹⁵ Кельн был освобожден американскими войсками 6 марта 1945 г.

11 марта

Всю ночь снилась какая-то неразбериха, и девушки, женщины, малыш, и ничего не поймешь. Сейчас прекрасная погода стоит, солнышко, тепло, похоже на то, что наступает весна. Хотя бы скорее тепло, уж надоела эта зима до чертиков, а еще бы лучше было, если бы война поскорее заканчивалась.

Сейчас каждый день передают приказы Жукову и Рокоссовскому, крепко они движутся вперед по Германии, недалек тот день, когда будут у стен Берлина и держать в своих руках конец войны. У нас пока что затишье, стали в оборону, но наши непрерывно бомбят Кенигсберг, Пилау, Фитхаузен. Сегодня бомбардировщики возвращались с задания, шли без истребителей, налетели четыре Мессершмита и сбили 6 шт. наших бомбардировщиков, летчики почти все погибли, за исключением одного, да трое или четверо отнесло к немцам.

Опять работы на целую ночь, собирался написать письмо, и не пришлось окончить. Работал до 3 ч. ночи.

12 марта

Утро. Прекрасное весеннее солнечное утро, тихо, тепло, снег тает, везде лужи и ручьи бегут.

До обеда работал не подымаясь. После обеда мне сказали, что приехали с госпиталя. Я пошел, там сидит Виктор. Очень хорошо встретились, он был очень рад. Вообще Виктор замечательный парень. Все время просит, чтоб я приехал, но ведь сейчас нет никакой возможности. Передал Милушке письмо. Очень долго беседовал с ребятами. Виктор уехал в 6 ч. вечера, и вот сейчас хожу и не могу найти места, как будто что-то хотел, потерял. Как я все же привык к нему, как к самому лучшему и близкому человеку.

Да, что мне ответить Милушке? Трудно сказать, возможно, что уж и не буду больше писать, ведь я так долго не писал.

Какая сейчас кругом тишина и на переднем, и везде, все уж спят, за стеной в особом отделе работает радио, идет передача из Москвы.

Вот так иногда задумаешься над своим будущим и страшно становится, ведь теперь придется всю жизнь заново строить. Папа умер, Виктора¹⁶ тоже нет, теперь вся ответственность ложится, по сути, на меня. А что я из себя представляю, ничего — пустое место, несчастный липовый чертежник и только.

Пожалуй, что теперь и не придется учиться, хотя Надя и утверждает, что как только приеду, сразу же за учебу. Но ведь ей-то тоже надо окончить институт, а там замуж выйдет, и опять сами остаемся с мамой, по сути говоря, теперь нас двое осталось.

Ну ничего, остаться только живым после войны, а остальное все ерунда.

¹⁶ Брат Виктор.

13 марта

Получил из дому письмо. Надя просит, чтобы я прислал посылку. Да какая я все же сволочь, со своим дурным характером и принципиальностью! При такой нужде дома даже ничего не послал. Ведь все же посылают, а чем я хуже остальных? Но теперь поздно, ничем не поможешь, так как уж нет ничего, да и не будет. Но и ведь себя не особенно приходится винить, так как за любую мелочь приходится всегда скандалить, чтоб ее положить в машину. Сейчас при одном воспоминании о том, что я абсолютно ничем не помог им, стыдно за самого себя. Пошлю хоть небольшую посылку: одеяло, пару простыней, скатерть, и то будет неплохо, хотя лучше б мне кто голову сейчас отрубил, чем такую посылку посылать. Но ведь хороших вещей не попадалось, а барахла да тряпья набирать стыдно просто.

<...>

17 марта

Вчера ночью написал письмо Милушке. Ну как устроить отпуск на 2–3 дня, все-таки интересно, чем кончится вся эта история? Неужели все это — правда, нет, не может быть, не верится мне, вот что-то как будто подсказывает, что чепуха.

Писем нет. Отправил посылку ерундовую, но ничего не сделаешь, раз прохлопал тогда.

Сегодня майор Кудряшов получил отпуск на 45 дней. Ну почему такая несправедливость? Офицерам дают отпуска, почему солдату не могут дать? Неужели из-за этого немец станет сильнее, неужели на одном солдате весь фронт держится? Попытаюсь что-либо сделать через майора Овчинникова. Ну пора спать, час ночи, а то я каждый день ложусь в 2–3 ч. ночи.

<...>

7 марта [апреля]

Все гудит без конца и непрерывно, шипят «Катюши», артиллерия работает меньше. С юга зашли в город, а у нас на месте сейчас прекрасная погода стоит, все сопутствует наступлению, но у нас дело идет неважно. Пошел немного побродить, вышел на другую сторону леса. Видно, как бомбят Кенигсберг. Весь он в огне, что там творится, представляю. <...>

9 апреля

Сегодня сообщили, что Кенигсберг взят. Я, старший лейтенант Песковец и Носарев поехали в город. Что он с себя представляет? Обычный западноевропейский город, прекрасно устроен, насаждений очень много, но сейчас почти

разрушен, кругом все горит. А солдат и машин полно, все тянут трофеи. Страшно смотреть на все это. Видя это, можно подумать, что не регулярная армия, [а] сброд какой-то. Все тянут, не разбирая ничего, машины загружены барахлом, по дорогам движутся колонны мирного населения и пленные — у них отбирают солдаты чемоданы, все это превращается в полный бандитизм. Неужели нельзя это пресечь? Мы начали искать бумагу, копирку, карандаши. Город, оказывается, еще не взят, идет бой в центре. Попали под налет с шестиствольного миномета. Пробыл в городе до вечера, но ничего не удалось приобрести, кроме бумаги, старший лейтенант все время не отпускал от себя. Ну теперь кое-что смогу передать Виктору. Лег спать поздно.

10 апреля

Все помешались на трофеях, уж не воюют, а собирают трофеи. Наше начальство просто машинами тащит. Где же справедливость, почему солдат не может для себя взять хотя бы часть того, что они привозят? Нет, нельзя!

И отпускать не отпускают. Эх, дела пошли, все так надоело, так надоело смотреть на всю эту несправедливость, скорее бы кончилась война да уехать с армии и начать жить на свое усмотрение! Там уж не на кого обижаться: что сам заработал, то и получил, как сумеешь, так и строй свою жизнь.

Получил письмо от Маши, надо писать ответ. Сейчас 12 ч. ночи, играет патефон, все легли спать, а мне неохота. Вспоминается вся моя прошлая жизнь, сколько горести в ней и несчастья, а радостных дней считанные.

Да, мне надо учиться и учиться без конца. Теперь я понимаю, какую сделал оплошность, когда отказался в 1941 году от аттестации на среднего командира. Хотя бы, возможно, после войны не удалось бы демобилизоваться, зато теперь бы жил — не тужил. Но теперь уж поздно думать об этом, надо до конца воевать солдатом. Черт его знает, нехорошая у меня примета: как только начинает чесаться правый глаз, так обязательно что-то случится. Спать не хочется, закончу писать и напишу ответ Маше.

<...>

26 апреля

С каждым днем все ближе и ближе 1 мая. Все эти дни стоит прекрасная погода, тепло, все зазеленело. Это так напоминает мне Сокольники, госпиталь: такая же тишина была кругом. Но сейчас совершенно другая тишина, новая, когда ни единого выстрела не услышишь. С программой дело обстоит неважно, ребята очень плохо работают.

<...>

3 мая

<...> Вдруг заходит дядя Вася и говорит: приехала Мила. Сейчас уже утро. Спать неохота, ночь провели вместе, но я ее не тронул. Дело в том, что, если судить по тому, что было в Сокольниках, то я правильно поступил. Но не исключена возможность, что за сегодняшнюю ночь она меня назвала дураком. И возможно, последнее скорее всего. Ведь не виделись 4 месяца, она лежала в постели раздетая, но я боялся оскорбить ее этим, и сегодня, 4 мая, она уезжает. Это наша последняя встреча, больше не придется в ближайшее время встретиться.

Что делать, какие решения принять, у нее настроение сейчас тоже неважное, возможно, что она огорчена мною, но ведь прекрасно знает, что я боюсь решиться на этот шаг, так как один раз получил затрещину. Но сегодня надо было еще раз испытать, что она сказала бы на это. Но теперь уж поздно, она спит, да еще плюс к этому мы в этой комнате не одни.

С ней приехала Клава Степанова, и представляю их разговор наедине. Мила определенно назовет меня шляпой либо дураком. Да она мне рассказала, что сейчас к ней пристаёт Грязев, причем сказал, что рано или поздно она будет его женой. Мила этим очень взволнована. Ну что ж, посмотрю, что дальше будет, все зависит от нее, если она меня любит, то этого никогда не будет, а если нет, то все пойдет своим чередом. Ведь они все время находятся друг у друга на глазах, а тем более сейчас. Разъедемся на неопределенное время.

<...>

11 мая

Встал в 8 ч. утра, позавтракал, пришли и позвали в политотдел, пошел с Иван Ильичем, забрали материалы и пошли оформлять трибуну к митингу. Сегодня вручают орден Кутузова II степени.

Вчера полковник сообщил, что скоро поедem. Письма опять не принимают: что делать теперь, опять не смогу получить и послать письма Милуське. Целый день ходишь как в воду опущенный. После обеда лег спать, проспал до ужина. После ужина ребята пошли провожать девушек. Подполковник увидел, приказал их вернуть и привести к нему. Я вернул Мухина и пошел к подполковнику: тот начал ругать и спросил, кто его отпускал? Он возьми и бухни: Контарев, а я и не думал его отпускать. Подполковник прочел нотации и отпустил, пришли домой. Мухин раскричался на меня, назвал сволочью, трусом и всякой ерундой. Ну и х*р с ним, я не собирался подставлять свою щеку за кого-то под удар.

Причем он сказал, что я бездарность. Вот в этом он частично прав, и это очень больно для меня, что я из себя представляю пустое место, ведь я абсолютно ничего не умею делать. Мне надо учиться, учиться и учиться без конца.

<...>

20 мая

Целую ночь какая-то ерунда снилась, причем не из приятных, что-то должно случиться.

И действительно, началось с самого утра: произошел скандал. Сметанина отказалась принимать участие в работе ансамбля. Ей сказали, что заставят, тогда она ответила, что скорее пулю пустит в лоб, чем быть на сцене, и после этого пошло вверх тормашками. До обеда шла репетиция. Клава сказала, что госпиталь Гамова уехал уже, а Люба говорит, что госпиталь расформировали, личный состав отпустили по домам: кому верить, черт его знает, но вернее всего то, что они уехали отсюда.

Сейчас сижу во дворе немецкой усадьбы, кругом зелень. Яркий теплый солнечный день, но небо начинает затягиваться тучами, по-видимому, будет дождь. Вся эта природа, окружающая поселок, немного напоминает Смоленскую область под Ярцево — та же перекатная степь на горизонте, лес и дым пожарища, где-то далеко пылающего. Все это так напоминает 1943 год, когда я был в пехоте.

И вот с того времени прошло 2 года, сколько пережито за это время, сколько пройдено пешком и на автомашине. И больше всех я должен быть благодарен Виктору, ему я обязан в том, что остался сейчас жив, никто столько мне не сделал, как он.

Возле клуба играет радиола, красивый вальс, я его часто слушал, еще будучи в госпитале в Сокольниках. И опять перед глазами встают эти трижды проклятые ночи, проведенные в одиночестве, это было в июле. То, что я тогда пережил, никто не знает, да и не узнает об этом никто. Как все же странно, какая-либо мелочь напоминает о прошлом. Вот сейчас играет пластинка «Бимбамбула»¹⁷, и сейчас встала перед глазами комната в общежитии техникума, Красный уголок, веселые лица ребят, девушек, ничем не озабоченные, смех, танцы.

Как я изменился против того времени, да ведь и немало прошло — 6 лет: легко сказать только, а ведь мне тогда было 22 года, а сейчас 28. Уж совсем старик, а что еще меня ожидает впереди, какие невзгоды и испытания, что еще придется пережить, никто не скажет. Но знаю, что будет очень трудно, теперь надо самому обо всем подумать. Сейчас у нас с Вовкой опять наладились отношения, но это до поры до времени. 4 июня мы должны уехать отсюда, причем будем ехать не ансамблем, а в подразделениях, так как после того, как обслужим всех, нас разгонят. Это будет очень плохо, но ничего не сделаешь.

¹⁷ Популярный фокстрот (музыка К. Мея, автор текста — Я. Аре).

21 мая

Сегодня день начался, как и обычно начинался всегда, погода последние дни стоит прекрасная, все время солнечные дни.

Репетиции проходят довольно сносно, но не без скандалов: 25 мая будет просмотр, что он покажет, пока неизвестно, а 4 июня только выедем отсюда.

Хотя бы скорее, так надоела эта пустынная германская земля, да еще к тому же побежденная. Интересно, что сейчас у каждого немца на душе, пожалуй, что похуже, чем у нас было в 1942 году, как это уже давно забытое время далеко, как будто во сне все прошло. Жалко, что я тогда не вел дневника, интересно было бы вспомнить и прочесть. Можно и сейчас кое-что восстановить, но это не так интересно, как то, когда видишь и читаешь строчки, написанные в то время. Собственно говоря, за два года у меня есть дневник, только за один год остался у Милы, но это ничего, я постараюсь его возвратить. День прошел, и с каждым прошедшим днем ближе к тому дню, когда поеду домой и стану свободен и независим.

<...>

29 мая

Все эти дни пока что ничего не делаем. Спим, гуляем, кушаем, вот и вся наша работа.

Вчера ночью долго не мог уснуть, все думал, что именно Милу заставило приехать и почему она так обиделась. Если взять суммировать все прошлое, то можно до некоторой степени сделать более-менее правильный вывод. Дело в том, что в одном из писем она мне написала, что тогда в Сокольниках и после этого получилось так, потому что она боялась, что я узнаю о том, что она уже не девушка, а ей не хотелось меня терять в тот период. Кроме этого, она писала, что была беременна, но сделала аборт, после всего этого приехала, я ее за это не осуждаю. Виноват здесь только я — в том, что она обиделась на меня, и ведь стоит. Когда легла спать, она легла одетая на моей кровати, рядом со мной, я ей предложил раздеться и лечь как полагается, она сделала это, а я прилег рядом с ней, причем в брюках, Мила как бы мельком сказала мне, если ложиться, то как полагается, а я дурень, это пропустил мимо ушей. Пробыл с ней целую ночь, и впустую, кто из девушек не обиделся бы на меня? Оказаться таким олухом, просто смешно! И теперь я прихожу к одному выводу, что это была наша последняя встреча. Тем более наша армия едет куда-то далеко, и не под Москву, как это предполагалось ранее.

Сколько я еще пробуду в армии, неизвестно, во всяком случае, в этом году не попаду.

Начал читать книгу Теодора Драйзера «Сестра Кери», замечательная книга, есть изумительные выдержки, жизненные. Вот одна из них: «Мужской костюм порою является гранью, делящей мужчин в глазах женщины на стоящих и не стоящих внимания». «Индивидуум, опустившейся ниже этой грани, уже никогда не удостоится ее внимания», и ведь действительно, что так и есть, когда она видит хорошо одетого парня, то старается, чтоб он обратил внимания на нее, и считает его идеальным мужчиной, если даже он имеет крокодилию душу. Хотя отчасти это и верно, внешность человека показывает его внутреннее содержание, но не всегда это так, потому что внешний вид приобретается за деньги, и, если б каждый их имел, то все было бы иначе.

30 мая

Случайно узнал, что мы едем не под Москву, а на Дальний Восток, уже первые эшелоны нашей армии проехали Челябинск, едем примерно до Читы. Опять куда-то запихнут в такую дыру, что белого света не увидишь. А возможно, что придется воевать с Японией, хотя по газетам пока что ничего не видно. Неужели придется еще воевать и пробыть в армии еще 3–4 года?

Как это надоело, скорее бы уезжать отсюда. Утром произошел инцидент с новым аккордеонистом. Он целыми днями таскает аккордеон по улице, я отобрал у него и закрыл. Эта пустышка, кукла покрашенная, Наташка пошла на меня, наговорила начальнику клуба, он вызвал меня и начал читать мораль, но я меньше всего обращаю на это внимание. Но ей этого не прощу, в свое время найду зацепку, уж тогда насолю ей так, что долго будет помнить.

С завтрашнего дня опять начинаются репетиции, целый день будем заняты. В 9 ч. вечера сходил за Вовкой на гауптвахту — у него кончился срок. Да, вся эта история с Малышевым начинает распухать, эта дрянь начинает выкидывать всякие коники¹⁸, ну ничего, когда-либо доберусь до нее, уж пусть тогда милости не просит.

<...>

¹⁸ Так в тексте.

4 июня

После завтрака ничего не делали, укладывали вещи, так как должны сегодня начать погрузку. Перед обедом я, Клава, Салават и старший лейтенант Дваладзе пошли в лес стрелять. По дороге разговаривал с Клавой, она сказала, что с Николаем поругалась действительно потому, что она ехала в машине 3го дивизиона. Когда шли с леса, вижу такую картину: на поляне лежат Николай и Наташа, она расстегнула гимнастерку полностью, все потроха вылезли, так противно смотреть на нее, что заплевал бы ей глаза.

Пришли домой пообедали, а после обеда сказали идти оборудовать вагоны для погрузки, закончили все в 10 ч. вечера. После ужина подумались и легли спать.

<...>

6 июня

После завтрака пошли на репетицию, которая шла до 2 ч. дня. Погрузка закончилась. Сегодня, наконец-то, уезжаем, примерно через 2-3 часа. Теперь буду записывать свой путь не полностью, но то, что успею заметить. Только что пообедали. Через несколько минут поезд тронется, и тогда прощай, покоренная Пруссия, поедем покорять новые места. Ребята поют под пианино. Нам скучать не придется, в вагоне аккордеон, пианино, скрипка.

И невольно сравниваем свою поездку на фронт, когда везли нас в закрытых вагонах и часовые кругом стояли: даже в уборную без часового нельзя было пойти. Как тяжело было тогда, я даже поправился тогда, настолько был беспечен в то время, а сейчас меня гнетет мое прошлое, как никогда, и [то,] как мало я сделал за это время, находясь в пехоте.

**ALEXANDER KONTAREV
HEADQUARTERS COMPANY. EAST PRUSSIA
(OCTOBER 10, 1944 — JUNE 6, 1945)**